

АЛАН СОКАЛ: МОЯ ФИЛОСОФИЯ**Дж. Баджини*

Алан Сокал: «Я надеюсь, что ваш интерес не ограничивается преимущественно тем, что произошло 10 лет назад, – ведь это уже такое старье».

С этого физик Алан Сокал начинает нашу беседу. «Произошедшее 10 лет назад» – это так называемое «предприятие Сокала», когда он «бросил бомбу» в постмодернистскую литературную теорию и социальную науку, опубликовав в журнале «Социальный текст» пародийную статью «Нарушение границ: на пути к трансформативной герменевтике квантовой гравитации». Статья представляла собой, как считает сам Сокал, «аннотированную библиографию очень небрежной науки и философии науки». Но публикация статьи дала начало широкой дискуссии о злоупотреблении наукой и об абсурдности того, что Сокал назвал «неряшливым релятивизмом», который поразил ученых.

«В моем некрологе это обязательно будет упомянуто как самое важное мое дело, независимо от того, чего я достиг, даже если бы я был удостоен Нобелевской премии», – говорит Сокал. Однако его пренебрежительное мнение об этом деле как о «старье» опровергается его новой книгой «За пределами розыгрыша», которая содержит аннотированную версию статьи-мистификации, а также обновленные варианты двух глав, которые ранее были включены в книгу «Интеллектуальные самозванцы», которую Сокал написал вместе с Жаном Брикоммонтом уже после случившегося скандала (эта книга также содержала пародию). Хотя новая книга и в самом деле выходила за пределы розыгрыша, она едва ли далеко от него ушла.

Сокал, однако, прав в том, что наша беседа затеяна не только для того, чтобы поговорить на старые темы. О мистификации мы подробно говорили в 1998 г. В интервью для этого же журнала. На этот раз основной темой разговора, который состоялся в кафе близ нынешнего офиса Сокала в Лондоне, было влияние философии на его жизнь.

* The Philosophers' Magazine, 2009, Is. 41 (Nov. 4).

Первое соприкосновение Сокала с предметом состоялось в университете, когда в магистратуре он посещал лекции по философии, которые теперь с трудом вспоминает. «Одним из лекторов у нас был Бернар Уильямс, – хотя я не помню, как назывался его курс, но хорошо помню, что именно там я написал статью об онтологическом доказательстве бытия Бога, которое, конечно же, ошибочно, и люди написали тысячи статей, пытаясь объяснить, почему оно ошибочно. Я как-то использовал кванторную модальную логику, но даже не могу вспомнить, как именно».

Хотя до публикации в «Социальном тексте» Сокал имел дело с формализованной философией, он предпочитал «философски-ориентированный подход к физике», представлявший собой явный контраст с «весьма прагматическим антифилософским взглядом», который исповедовали многие его коллеги. Крайним выражением этого взгляда было «“заткнись и вычисли!”»: физика имеет дело с предсказанием и экспериментом, и все. Я всегда противился этому взгляду. С моей точки зрения, физика представляет собой попытку понять мир, и эксперимент есть орудие для проверки того, являются ли теории о мире правильными, но сами по себе эксперименты – не самоцель. В отношении физики я занимал позицию, согласно которой интерес представляют фундаментальные концептуальные вопросы, позицию, которая ближе к Эйнштейну, чем к Фейнману».

«Вы можете видеть этот сдвиг в истории физики – от поколения Эйнштейна и Бора, которые много времени проводили в спорах по фундаментальным концептуальным вопросам, главным образом по квантовой механике, к последующему поколению Фейнмана и его современников, которые говорят, что можно спорить хоть до посинения, но поскольку существует так много интересных вещей в области элементарных частиц, надо решать именно эти вопросы. Этот сдвиг совпадает с утратой Европой доминирования и перемещением его в Америку».

«Я не критикую новое поколение. Оно право в том, что есть куча интересных вещей, которые стоит исследовать, а философские дискуссии надо отложить. Тем не менее мне кажется, что концептуальные вопросы являются фундаментальными. Например, что означает на самом деле квантовая механика? Я использую квантовую механику более 35 лет, почти три четверти своей жизни, и чем больше я ее изучаю, тем меньше я ее понимаю. Поэтому я вполне понимаю, почему у целого поколения физиков опустили руки от отчаяния и почему они провозгласили принцип “просто вычисляйте”, но для меня это не является удовлетворительным и окончательным ответом».

Многие люди понимают, что занимаясь физикой, вы не можете избежать философии. Но из этого обстоятельства делаются различные выводы. Некоторые просто говорят, что философы тут не нужны, поскольку философией физики занимаются сами физики. Другие же говорят, что проблема с физиками состоит в том, что они философствуют, но на самом деле не готовы к такому занятию. Каким видит различие между своей дисциплиной и философией сам Сокал?

«Я не знаю, как провести границу между прояснением концептуальных оснований конкретной ветви физики и философией этой конкретной ветви. Я не уверен, что между ними есть существенная разница. Философскую работу такого рода может делать и физик, не имеющий формального философского образования, а могут делать и философы, не имеющие формального образования в области физики. У самых лучших философов физики, у тех, кого я ценю больше всего, чаще всего было высшее физическое образование, а иногда и докторская степень по физике, до того как они переключились на философию, – таков, например, Дэвид Альберт».

«Так что, возвращаясь к вашему вопросу, скажу, что доля правды присутствует в стереотипах в отношении обеих сторон. Физики, занимаясь философией, часто делают это неважно. Они часто путаются в концептуальных основаниях своей собственной дисциплины, потому что иногда вы можете вычислять и получать правильные результаты, даже если в концептуальном плане вы не вполне понимаете, что, собственно, вы делаете. Но столь же критически следует относиться и к случаю, когда наряду с философами и математики делают что-то из области физики. Поскольку я сам наполовину математик, я признаю такого рода критику. Так что абсолютно верно то, что физики часто небрежны в концептуальных основаниях физики, особенно квантовой механики, поскольку она часто намного сложнее, чем другие отрасли физики. Все проявляют такую небрежность, поскольку мы просто не знаем, что происходит на самом деле».

«Я полагаю, что в жалобах физиков в адрес философов есть что-то связанное с тем, что философы имеют дело с чем-то стерильным, не имеющим никакого отношения к работе ученого, даже на уровне концептуального прояснения важных вещей в их собственной области».

Между тем критики философии науки часто враждебно к ней настроены на том основании, что она не делает того, что должна. Проще говоря, представляется, что существует два видения этого обстоятельства. Одно состоит в том, что философия науки не имеет ничего общего с научной практикой и мы спрашиваем себя, что это за вещь такая, назы-

ваемая наукой, просто потому, что хотим понять ее. Другое видение заключается в том, что философия позволяет по крайней мере частично прояснить природу научного метода, что способствует большей успешности науки. Какое из них ближе Сокалу?

«Я полагаю правильным и то, и другое, все зависит от конкретного случая. Иногда определенно правильным является второе, т.е. когда ученые путаются в чем-то, концептуальное прояснение может быть полезным. И неважно при этом, от кого оно исходит – от человека со степенью по физике, по философии или по биологии».

«Концептуальное прояснение может быть полезным в том плане, что продвигает науку вперед, даже в узком инструментальном смысле: быть может, мы отчаянно нуждаемся в таком прояснении, дабы добиться прогресса в квантовой гравитации. Я не могу, правда, утверждать это определенно, во-первых, потому что не являюсь специалистом в этой области, а во-вторых, потому что никто не может предсказать будущего».

«Очевидно, что Эйнштейн затратил много времени на концептуальное прояснение своих собственных конструкций, что привело его к общей теории относительности и социальной теории относительности, и именно это прояснение сыграло тут решающую роль. Можно назвать это философией или же глубоким размышлением над физикой. Квантовая механика родилась без такого рода концептуального прояснения, и это показывает, что можно заниматься инструментальной физикой без прояснения концепций».

«Но возвращаясь к другому видению проблемы – к тому, что философия хороша сама для себя и она не обязательно предназначена для помощи работающим ученым, вспомним слова Фейнмана о том, что «философия науки столько же полезна для ученых, сколько орнитология для птиц». Большинство людей полагают, что это принижение философии, но я совсем так не считаю. Орнитология не предназначена для того, чтобы приносить пользу птицам. В принципе, орнитологи, изучая физику полета птиц, могли бы подсказать птицам, как им летать более эффективно, если не считать того, что их уже, так или иначе, подтолкнул к этому естественный отбор. Точно так же философия науки могла бы предлагать кое-что работающим ученым, но не в этом заключается ее главная цель. Мне нравится сказанное Фейнманом именно потому, что, с моей точки зрения, это вовсе не унижительно для философии науки. Эти слова – о том, что философия науки отличается от науки. Они проясняют, что делают ученые, независимо от того, помогает ли философия науки ученым или нет».

Сокал в принципе позитивно настроен в отношении потенциальных возможностей философии помогать физике в деле концептуального прояснения в принципе, но на практике ситуация несколько другая: когда я попросил его привести примеры такой помощи, в разговоре наступила долгая пауза.

«Люсьен Харди? Я думаю, что он работает в департаменте философии». На самом деле, как я позднее обнаружил, это не так. Он работает в Институте теоретической физики в Ватерлоо, Онтарио. Сокал тем временем признает, что «основной вклад был сделан физиками: Эйнштейном, Подольским, Розеном, Бомом, Беллом...».

Я нахожу этот вопрос весьма интересным, поскольку после «предприятия» с «Социальным текстом» большинство аналитически настроенных философов признали Сокала своим союзником. «Реакция со стороны философов, по крайней мере из англоязычных стран, была сочувственной, – говорит он. – Большая часть англоговорящих философов не признают релятивизм в общей постановке и уж точно – в его крайних формулировках, тех неряшливых версиях, которые распространены в постмодернистских литературных кругах. Философы давно критиковали такую неряшливую философию. Можно привести как пример знаменитые дебаты в “New York Review of Books” между Джоном Серлем и Жаком Деррида. Так что большинство философов искренне поддерживали меня».

Но вот интересно, следовало ли им делать это? Точно так же как его одобрительные слова о том, что философы науки вносят вклад в физику, маскируют тот факт, что на самом деле трудно указать, в чем состоит этот самый вклад, так и розыгрыш и его последствия определенно унижают философию демонстрацией того, что не нужно быть опытным профессором, детально знающим свой предмет, чтобы пробраться сквозь пустые философские дебри.

«Я хочу внести ясность в один вопрос: я вовсе не считаю, что моя пародийная статья установила какой-то факт, – говорит Сокал. – Сама по себе она ничего не доказывает, доказывает только то, что журнал плох. Так что не сама пародия продемонстрировала плохое качество журнала, – нет, то, что я и другие люди писали впоследствии – вот это, я надеюсь, показало насколько неряшлива философия, которая содержится в постмодернистских теоретических сочинениях. Но опять-таки, я отнюдь не был первым в такого рода критике. Уже после того как я опубликовал свою пародию, я обнаружил, что многие философы критиковали постмодернизм. Все, что я сделал, так это то, что нашел лучший способ связаться с общественностью, чем они».

«Так что в определенном смысле любой относительно толковый человек, будь он философом, физиком или литературным критиком, мог бы сделать то же самое».

Не в том ли также дело, что когда Сокал говорит об общей философии науки (в противоположность собственно философии физики), он опять-таки весьма скептичен относительно того, чего она может достичь? Например, не считает ли он, что философы как не смогли кодифицировать научный метод, так и в дальнейшем не смогут сделать это? И что, по сути, то, о чем можно сказать разумно, является весьма общим?

«Были различные попытки [кодифицировать научный метод], ни одна из которых не оказалась чрезвычайно успешной. В этих попытках указывалось на некоторое правильное понимание того, что делает наука, но ни в одной из попыток не удалась правдоподобная кодификация того, что делают ученые, и философы науки первыми признают это. Так что вы правы в том, что я скептичен в отношении возможности существования сверхобъясняющей теории, которая апеллирует к тому простому обстоятельству, что наука имеет дело с рациональностью. Рациональность – это всегда адаптация к непредвиденным обстоятельствам, – ну как можно кодифицировать такие вещи?»

«Но это не значит, что философия науки бесполезна, потому что все ее попытки создать окончательную кодификацию научного метода неудачны. Дело в том, что кое-какой вклад она вносит. Например, я надеюсь написать статью о подходе Ника Максвелла. Я полагаю, что он нащупал что-то очень важное, что еще не является окончательной истиной, но добавляет к нашим взглядам нечто значительное. Так что я не думаю, что философия науки терпит неудачу».

«Быть может, философы науки, особенно в начале XX в., были слишком оптимистичны в отношении того, что они могли бы сделать. Они видели, что Рассел и Уайтхед сделали для аксиоматизации математики, – это не было полным успехом, но это совсем другая история. В некотором смысле это был прогресс в понимании оснований математики, и я полагаю, что философы науки стремились сделать то же самое для науки в целом. Быть может, они недооценили того, сколь сложна эмпирическая наука по сравнению с чистой математикой».

В своей новой книге Сокал продолжает нарушать границы академических дисциплин, вступая в публичные дискуссии о Боге в длинной главе, которая, по сути, является рецензиями на две книги – «Конец веры» Сэма Харриса и «Проблемы духа» Майкла Лернера. В этой полемике Сокал твердо становится на сторону Хитченса, Харриса и Докинза.

Что он делает для того, чтобы такой жесткий атеизм скорее отталкивал, чем убеждал?

«Я не пытаюсь выстроить стратегию. Я не политик. Я физик и, если хотите, философ-любитель. Я стараюсь показать, что полагаемое мною истинным является ясным и лишенным эмоций, и оставляю за людьми право оценить, правильны ли мои аргументы. Не думаю, что мой тон является слишком резким».

«Люди иногда несправедливо обвиняют Харриса и Докинза в жесткости, тогда как на самом деле они отказываются от двойных стандартов в нашей культуре в отношении религии. Двойные стандарты – это когда вы можете говорить что-то более или менее из того, что вам хочется о консерваторах и лейбористах, о республиканцах и демократах, о капиталистах и социалистах, но вы не смеее сказать ничего даже отдаленно критического о религии. Но, собственно, почему нет? Если вы читали книгу Харриса или книгу Докинза (конечно, если читали то, что написал я), вы не найдете в них по поводу религии и половины тех резких высказываний, какие вы ежедневно читаете в статьях о политике».

Размышляя о том, почему Сокал включился в эти дебаты, важно иметь в виду его политические мотивы. Сокал участвовал в левом движении и во времена правления сандинистов несколько летних сезонов преподавал математику в Национальном университете Никарагуа. Помимо физики им двигало сильнейшее убеждение, что для левых будет настоящим несчастьем отказаться от приверженности разуму. В своей книге он цитирует слова одного человека, который хотел показать, что наука не универсальна, а зависит от того, каково место индивида в мире: «Немец может изучать и понимать Природу только в соответствии с его расовым характером».

«Это, конечно же, цитата из Эрнста Крика, известного нацистского идеолога, который в 1937–1938 гг. был ректором Гейдельбергского университета. Я был ошеломлен – ну, может быть, не ошеломлен, – когда наткнулся на эту цитату. Это не означает, что постмодернисты являются нацистами или чем-то вроде того. Эта цитата демонстрирует странное пересечение идей между постмодернистами левого толка, с одной стороны, и крылом крайне правых националистов, будь то националисты немецкие или же индуистские, с другой стороны».

Прав Сокал или нет, но вот почему дискуссия, которую он начал, имеет большое значение и вот почему философы, независимо от того, является ли он интеллектуальным мошенником или нет, тоже должны обратить на него внимание.